
Р. В. Петухов

ГРАЖДАНСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАПРОСА НА ПЕРЕМНЫ (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА ПРОТЕСТНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА)

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.4.6080

Петухов Роман Владимирович – кандидат юридических наук,
магистр социологии, старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
E-mail: petukhovrv@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются причины, по которым общественное недовольство пенсионной реформой не переросло в массовый политический протест. На основе результатов массовых опросов общественного мнения автор показывает, что недовольство повышением пенсионного возраста носило действительно массовый характер и существенно повлияло на социальное самочувствие россиян, а также уровень их доверия к основным властным и общественно-политическим институтам. Однако раздражение и разочарование населения действиями властей не переросли в массовый политический протест и носили ситуационный характер. Главными причинами этого являются, во-первых, снижение доли патерналистски ориентированного населения, для которого получение государственной пенсии является актуальным, во-вторых, отсутствие опыта социального, гражданского и политического участия у слоёв населения, заинтересованных в сохранении старой системы пенсионного обеспечения, и, в-третьих, незаинтересованность активной части российского общества, прежде всего городского среднего класса, в активизации протестных действий.

Трансформация общественного недовольства в массовое политическое действие, по мнению автора статьи, возможна только в случае появления актора, способного подняться над интересами отдельных социальных групп и выступить выразителем интересов общества в целом.

Ключевые слова: гражданское участие, политическое участие, низовые социальные движения, запрос на перемены, протест, пенсионная реформа, доверие.

Нерезультативность социального протеста против пенсионной реформы, анонсированной летом 2018 г., вернула в актуальную повестку дня вопрос о способности россиян к самоорганизации и гражданскому участию. Ряд проведённых в последние несколько лет исследований давал основания полагать, что российский городской средний класс постепенно накапливает опыт горизонтального взаимодействия, как минимум на локальном уровне [Волков,

Колесников, 2016; Петухов и др., 2014; Политика аполитичных..., 2014 и др.]. Распространение низовых социальных движений (grassroots social movements) и практик коллективного оппонирования власти в процессе самозащиты интересов небольших сообществ и социальных групп внушало исследователям сдержанный оптимизм на фоне деградации классических политических институтов и общей деполитизации российского общества. Повышение пенсионного возраста, как фактор, затрагивающий интересы большей части населения страны, могло стать поводом для протестной консолидации уже не локального, но общенационального масштаба. Однако этого не случилось. Ни политическая оппозиция (как системная, так и несистемная)¹, ни гражданские активисты так и не смогли использовать опыт локального гражданского и социального участия для трансформации массового общественного недовольства в столь же массовое политическое действие².

При обсуждении причин безрезультатности протеста против повышения пенсионного возраста внимание чаще всего обращается на политические и организационные аспекты. Так, известный российский политический философ и публицист К. К. Мартынов, анализируя проходившие летом 2018 г. протестные акции, пришёл к выводу, что они были фрагментарными, частично подконтрольными властям, а частично тактически сиюминутными [Мартынов, 2018]. Директор «Левада-Центра». Д. Гудков указывает на отсутствие в России общественно-политических организаций, способных консолидировать протестные настроения и трансформировать их в конкретные действия против пенсионной реформы [Гудков, 2018]. Однако возможен и другой взгляд на эту проблему, а именно насколько российское общество в принципе было готово в рассматриваемой ситуации к массовому политическому действию.

В современной социологии общественных движений распространена точка зрения, что, в отличие от качественных методов, массовые опросы общественного мнения не позволяют схватывать многогранность, подвижность и контекстность протеста, «редуцируя политическую субъективность до набора статичных “ценностей”, “установок” и “предпочтений”» [Политика аполитичных..., 2014: 9]. Не умаляя потенциала качественной методологии, нельзя не увидеть ограниченности её возможностей при исследовании несостоявшегося протеста, т.е. такого, который не развился из отдельных акций (демонстраций, митингов, пикетов и т.д.) в более-менее длительное и массовое коллективное действие. И напротив, оправданным в этом случае представляется обращение к данным массовых опросов, позволяющим изучать оценочное отношение не только к реально происходившим событиям, но и к потенциально возможным.

---

¹ В этой статье под оппозицией понимают формальные и неформальные объединения граждан, ставящие перед собой не только социально-экономические, но и политические цели.

² О формах участия подробнее см.: [Скалабан, 2011].

О массовых протестах против пенсионной реформы стали активно говорить в середине лета 2018 г., когда опросы общественного мнения показали резко негативную оценку этой инициативы властей. Согласно замерам, проведённым «Левада-Центром» 19–25 июля 2018 г. [Протестные настроения, 2018], возможность массовых протестов с экономическими требованиями допускали на тот момент 40% респондентов. О своей готовности принять участие в таких акциях заявили 28% опрошенных, а в протесты против пенсионной реформы готовы были включиться 37% россиян. Для сравнения: ещё в марте 2018 г. о возможности своего участия в массовых акциях такого рода заявляли только 8% респондентов. К концу августа возможность участия в массовых выступлениях против пенсионной реформы допускали уже 53% опрошенных [Референдум.., 2018]. Однако «большого» протеста так и не случилось, и опрос «Левада-Центра», проведённый 20–26 сентября, зафиксировал существенное снижение протестных настроений при сохранении общей негативной оценки увеличения пенсионного возраста. На тот момент о возможности своего участия в акциях протеста заявили уже только 35% респондентов [Пенсионная реформа, 2018].

Недовольство действиями федеральных властей в более широком социальном контексте было зафиксировано и в ходе всероссийского опроса общественного мнения, проведённого в октябре 2018 г. Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН (далее – ФНИСЦ РАН)¹. Более половины опрошенных отметили рост социальной напряжённости в стране (58%) и негативно оценили перемены, произошедшие за последний год (54%). По мнению респондентов, в наибольшей степени положение дел ухудшилось в части, касающейся уровня жизни населения (60%), морального состояния общества (53%) и пенсионного обеспечения (57%). При этом 47% опрошенных полагают, что страну и в дальнейшем ждут трудные времена. Оптимистично смотрят на ближайшее будущее и верят в возможность успешного её развития только 19%. Остальные же 35% не ожидают принципиальных изменений ни в худшую, ни в лучшую сторону.

На этом фоне вполне естественным является снижение уровня доверия к большинству властных и общественно-политических институтов (см. таблицу 1). Наиболее значительно этот показатель снизился у президента и правительства России, упав за полгода на 14 и 9 процентных пунктов соответственно. В свою очередь, уровень недоверия к главе государства и совету министров вырос с 17 и 40% в апреле 2018 г. до 29 и 50% в октябре 2018 г.

---

¹ В настоящей статье использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданные при финансовой поддержке РНФ. Исследование проводилось по общероссийской выборке (N = 4000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения (апрель 2018 г.), а также результаты предшествующих исследований ИС РАН 2012–2018 гг.

Таблица 1

Динамика уровня доверия различным государственным и общественным институтам,
2014–2018 гг., %

Уровень доверия	Октябрь 2014 г.	Октябрь 2015 г.	Октябрь 2016 г.	Октябрь 2017 г.	Октябрь 2018 г.
Российской армии	62	65	65	63	65
Президенту Российской Федерации	78	75	67	69	55
Российской академии наук	42	48	44	43	46
Церкви	50	51	46	42	41
Руководителю республики, губернатору области, края	49	43	31	34	36
Общественным и правозащитным организациям	37	34	31	33	34
Полиции, органам внутренних дел	28	32	31	33	32
Правительству Российской Федерации	56	52	40	38	30
Телевидению	44	37	35	32	29
Органам местного самоуправления	34	29	20	26	26
Профсоюзам	26	27	23	23	26
Судебной системе	24	26	24	25	25
Прессе (газетам, журналам)	33	30	27	25	24
Совету Федерации	34	31	23	26	22
Государственной думе Российской Федерации	32	32	22	24	21
Политическим партиям	17	17	15	16	15

Существует ли чётко выраженная связь между снижением показателей доверия и готовностью граждан страны выходить на улицы с целью защиты своих социально-экономических интересов? Думается, что нет. С большой долей уверенности можно сказать, что приведённые выше данные отражают во многом ситуативные реакции российского общества на происходившие в последнее время в России процессы. В их основе, по всей видимости, лежит чувство сильного раздражения и глубокого разочарования отсутствием должной реакции со стороны руководства страны на однозначную выраженную реакцию общества на пенсионную реформу. Причём в этот раз оно распространяется и на главу государства, об ухудшении отношения к деятельности которого заявили 36% опрошенных (см. рис. 1).

Характерно, что, выбирая из двух альтернатив суждений, касающихся отношения к действующей власти, большинство респондентов согласилось с тем, что при всех своих недостатках она заслуживает поддержки (62%). Противоположной позиции, предусматривающей необходимость смены власти, придерживаются 38% опрошенных. Как можно объяснить весьма своеобразное отношение современного российского общества к действующей власти, в котором одновременно сочетаются высокий уровень её поддержки (при всех её недостатках) и снижение

уровня доверия почти ко всем отдельно взятым её институтам? Представляется, что такого рода дуализм является следствием незаконченности текущего момента, когда **снижение доверия к отдельным институтам и органам власти пока не привело к разрушению доверия к власти как таковой, в том числе и в ценностном её измерении.**

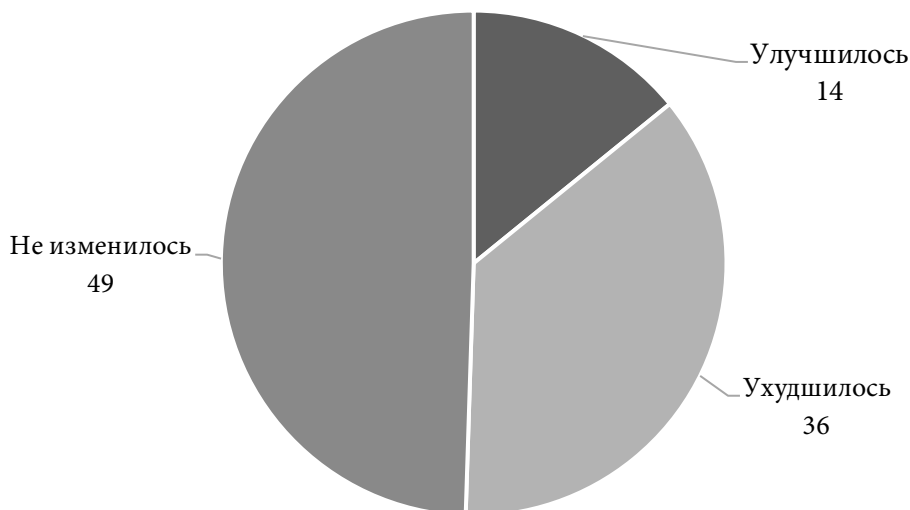

Рис. 1. Как изменилось отношение к деятельности президента В. Путина за последний год, 2018 г., %

В свою очередь, декларативное доверие к власти даёт возможность гражданам не участвовать в политике и заниматься своими делами. Экспансия приватной сферы и демонтаж сферы публичной, как суть состояния деполитизации общества [Политика аполитичных..., 2014: 15], становятся возможны только в условиях доверительного отношения к действующей власти как гаранту существующего социального порядка. И напротив, массовая протестная мобилизация в деполитизированных обществах становится реальностью только при грубом нарушении властью границы между частным и публичным.

Данные последних опросов ФНИСЦ РАН показывают, что уровень гражданской и политической активности россиян находится на низком уровне, общественно-политическая сфера по-прежнему остаётся маргинальной. В частности, 72% опрошенных россиян никогда не стремились получить доступ к власти, а более половины (52%) никогда не хотели иметь хоть какое-то влияние на происходящие в обществе события, в том числе и по месту жительства (см. рис. 2). Среди желающих иметь доступ к власти или влиять на происходящие в социуме процессы больше тех, кто считает нереальным добиться этого, чем надеющихся на успех в будущем (14 и 22% против 10 и 19% соответственно). Ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества сегодня готовы только 32% респондентов, тогда как 67% ставят на первое место свои частные потребности. Для подавляющего боль-

шинства российского общества частная сфера остаётся приоритетной, в то время как гражданское и тем более политическое участие является экстраординарным явлением, возможным лишь в случае крайней необходимости.

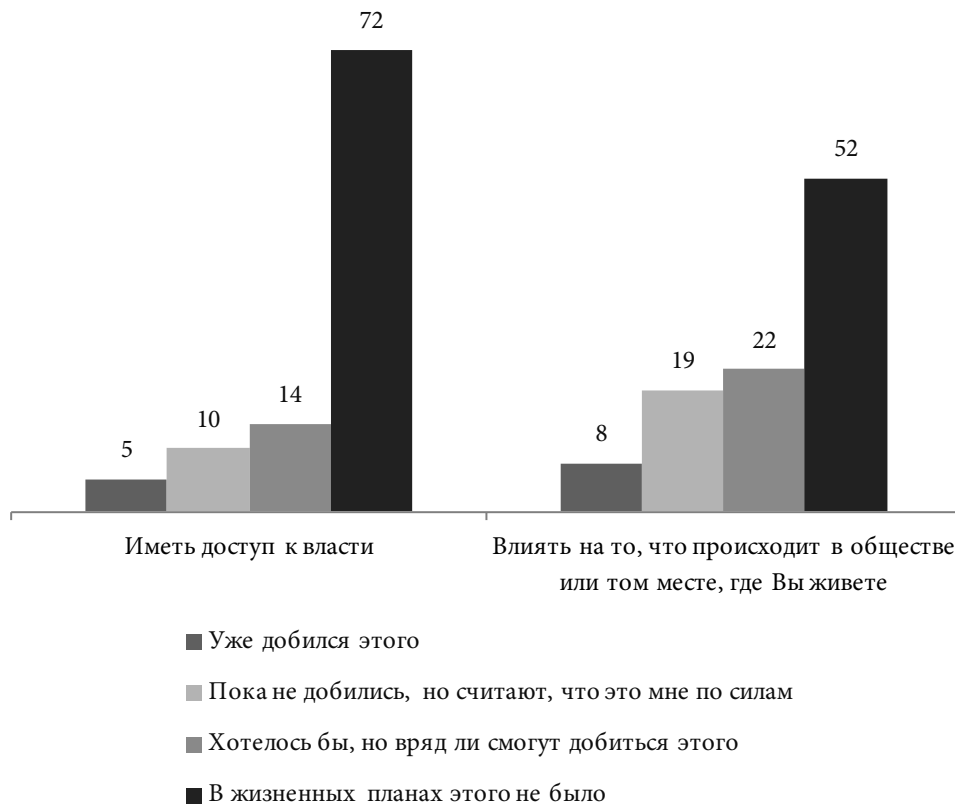

Рис. 2. Оценки достижимости успеха в сферах жизни, связанных с участием в общественно-политической жизни, 2018 г., %

Дать точный ответ на вопрос, где проходит черта в отношениях между обществом и властью, пересечение которой может побудить массы к активному политическому действию, крайне сложно. По прошествии нескольких месяцев после прохождения пика эскалации ситуации с повышением пенсионного возраста можно констатировать, что в данном случае вторжение в частную сферу было не настолько критичным для общества, чтобы запустить процесс его мобилизации и политизации. Однако простая констатация этого факта мало что даёт с точки зрения понимания сути произошедшего, поэтому постараемся выделить ключевые социальные факторы, обуславливающие именно такую реакцию общества на действия властей.

Во-первых, социальную и политическую остроту пенсионной реформы несколько сгладило сокращение доли патерналистски ориентированного населения, для которого получение государственной пенсии является актуальным.

По данным последнего октябрьского опроса ФНИСЦ РАН, количество респондентов, ориентированных на самодостаточность, сейчас практически равно количеству опрошенных, заявляющих о неспособности выжить без поддержки со стороны государства (48 и 52% соответственно).

Во-вторых, слои населения, по которым повышение пенсионного возраста ударит особенно сильно, не имеют опыта социального, гражданского и политического активизма, позволяющего артикулировать и защищать свои интересы. Впрочем, как и большая часть населения страны. По данным наших исследований, 80% опрошенных не приходилось принимать участие в деятельности каких-либо общественных организаций, объединений и сообществ (социальные волонтерские движения, экологические организации, профсоюзы и т.п.). То же самое можно сказать и о политическом участии. Единственной более-менее массовой его формой продолжает оставаться голосование на выборах. Что же касается протестной активности, то опыт непосредственного участия в разного рода акциях протеста есть у 7% опрошенных, и ещё 36% относятся к ним с одобрением, хотя сами участия в них не принимали. Не одобряют протесты 12%, а с безразличием относятся 45% респондентов. На фоне кризисных процессов в экономической и социальной сферах ситуация стала несколько меняться, но не радикально (см. таблицу 2).

Таблица 2

Личное отношение к участникам акций протеста, 2013–2018 гг., %

Относятся:	2013	2016	2018
с одобрением, сами принимают в них участие	4	4	7
с одобрением, хотя сами не принимают в них участие	35	30	36
с неодобрением	14	16	12
безразлично, никак не относятся	47	51	45

В-третьих, активная часть российского общества, включённая в различные формы социального, гражданского и политического участия и потенциально способная стать ядром и движущей силой массового политического действия, была в наименьшей степени затронута предстоящей пенсионной реформой. Как показал опыт протестных акций июля-августа 2018 г., понимание тактической важности выступления по поводу повышения пенсионного возраста, с одной стороны, и чувство попранной социальной справедливости, с другой стороны, не смогли активизировать городской средний класс, так и не увидевший в планируемой реформе реальную угрозу своим частным интересам. Являясь носителями антипатерналистского мировоззрения, они мало надеются, что государственные пенсии смогут обеспечить им достойную жизнь после завершения активной трудовой деятельности.

Таким образом, пенсионная реформа не стала поводом для массового протеста, но она, безусловно, оказала существенное влияние на социальное самочувствие россиян, став одним из факторов их нарастающего скептицизма в отношении к настоящему и будущему страны. Как показывают последние исследования [Двадцать пять

лет., 2018: 135–154], продолжительный экономический кризис и отсутствие внятного ответа на его вызовы со стороны российской власти впервые за многие годы привели к формированию запроса на перемены, который если не сменил, то по крайней мере уравновесил ранее преобладавший в общественном мнении запрос на стабильность. В его основе, как отмечает В. В. Петухов, лежит ставшее актуальным для многих социальных групп и слоёв населения стремление к социальной справедливости и обществу равных возможностей, и в этом заключается принципиальное отличие сегодняшней ситуации от того, что было в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [Петухов, 2018: 45–46]. Хотелось бы отметить, что формирующийся запрос на перемены сам по себе не отрицает стабильности как социальной ценности, но переопределяет её содержание: его основным посылом становится смена стабильности в статике на стабильность в динамике, с требованием справедливо устроенного и эффективно организованного управления публичными делами, а не максимально возможного удаления государственной власти из приватной сферы по принципу «мы вас не трогаем, и вы нас не трогайте», как это было ранее.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что осознание большей частью общества кризисного состояния дел в стране и приходящее понимание невозможности сохранения социально-экономического и политического анабиоза не ведут к автоматической политизации общества и активизации массового политического действия, как этого не произошло в случае с повышением пенсионного возраста. Серьёзным препятствием для этого является отсутствие опыта социального и гражданского активизма у значительной части населения страны. Существенный вклад в накопление такого опыта могут внести низовые социальные движения (*grassroots social movements*), увеличение числа которых в перспективе будет способствовать повышению результативности массовых политических действий. Отчасти это происходит уже сейчас.

В то же время представляется маловероятным, что сами эти движения будут становиться драйверами массового протеста, так как они по своей природе ориентированы на коллективное действие, ограниченное интересами довольно узких социальных или территориальных групп. Следовательно, для трансформации общественного недовольства и опыта социального и гражданского участия в массовое политическое действие должен появиться актер (или несколько акторов), способный выступить в защиту публичных интересов и апеллировать к универсальным ценностям.

Список литературы

Волков Д., Колесников А. Самоорганизация гражданского общества в Москве. Мотивы, возможности и пределы политизации. М.: Московский Центр Карнеги, 2016. 40 с.

Гудков Л. Д. Почему 90% россиян против пенсионной реформы, а массовых протестов нет [Электронный ресурс] // Левада-Центр: [веб-сайт]. Электрон. дан. 11.09.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/09/11/pochemu-90-rossiyan-protiv-pensionnoj-reformy-a-massovyh-protestov-net/> (Дата обращения: 28.09.2018).

Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.

Мартынов К. К. Слив по-либертариански. «Антипенсионные» протесты оказалось некому возглавить [Электронный ресурс] // Новая газета: [веб-сайт]. Электрон. дан. 31 июля 2018 г. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/07/31/77345-sliv-po-libertarianski> (Дата обращения: 20.09.2018).

Пенсионная реформа [Электронный ресурс] // Левада-Центр: [веб-сайт]. Электрон. дан. 27.09.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/09/27/pensionnaya-reforma-4/> (Дата обращения: 28.09.2018).

Петухов В. В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40–53.

Петухов В. В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия / В. В. Петухов, Р. Э. Бараш, Н. Н. Седова, Р. В. Петухов // Власть. 2014. № 9. С. 11–19.

Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов: Коллективная монография / [М. Л. Алюков, С. В. Ерпылева и др.]; ред. С. В. Ерпылева, А. В. Магун. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 480 с.

Протестные настроения [Электронный ресурс] // Левада-центр: [веб-сайт]. Электрон. дан. 01.08.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/01/protestnye-nastroeniya/> (Дата обращения: 28.09.2018).

Референдум о повышении пенсионного возраста [Электронный ресурс] // Левада-центр: [веб-сайт]. Электрон. дан. 03.09.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/09/03/referendum-protiv-повыsheniya-pensionnogo-vozrasta/> (Дата обращения: 28.09.2018).

Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С. 130–139.

Дата поступления в редакцию: 10.10.2018.

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.4.6080

Civil and Political Participation in the Conditions of Forming a Request for Change (On the Example Protest Actions Against Raising the Retirement Age)

Petukhov Roman Vladiimirovich

Candidate of Law, Master of Sociology,

Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Krzhizhanovskogo str., 24/35,
build. 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: petukhovrv@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the reasons why public discontent with pension reform did not grow into a mass political protest. Based on the results of public opinion polls, the author shows that dissatisfaction with the increase in the retirement age was truly widespread and had a significant impact on the social well-being of Russians, as well as their level of confidence in the main government and public-political institutions. However, irritation and disappointment of the population with the activities of the authorities did not escalate into mass political protest and were situational in nature. The main reasons for this are, first, the decline in the proportion of paternalistically oriented population, for whom

state pension is relevant, and second, the lack of experience of social, civic and political participation among population groups interested in maintaining the old retirement benefit plan, and, third, the lack of interest of the active part of Russian society, first of all, of the urban middle class, in mainstreaming protest actions. Transformation of public discontent into mass political action, in the opinion of the author of the article, is possible only if an actor appears who is able to rise above the interests of certain social groups, and act as spokesman for the interests of society as a whole.

Keywords: civic participation, political participation, grassroots social movements, request for change, protest, pension reform, trust

REFERENCES

- Gudkov L. D. *Pochemu 90% rossiyan protiv pensionnoy reformy, a massovykh protestov net*. [Why 90% of Russians are against pension reform, and there are no mass protests]. [Elektronnyy resurs]. Levada-Tsentr: [vzb-sayt]. 11.09.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/09/11/pochemu-90-rossiyan-protiv-pensionnoj-reformy-a-massovykh-protestov-net/> (Data obrascheniya: 28.09.2018). (In Russ.).
- Dvadsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsiy v otsenkakh i suzhdeniyakh rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza*. [Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: the experience of sociological analysis]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M.: Ves' Mir publ., 2018. 384 p. (In Russ.).
- Martynov K. K. Sliv po-libertarianski. «Antipensionnye» protesty okazalos' nekomu vozglavit'. [Plums are libertarian. "Anti-pension" protests were no one to lead]. [Elektronnyy resurs]. *Novaya gazeta*: [vzb-sayt]. 31.07.2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/07/31/77345-sliv-po-libertarianski> (Data obrascheniya: 20.09.2018). (In Russ.).
- Pensionnaya reforma*. [Pension reform]. [Elektronnyy resurs]. Levada-Tsentr: [vzb-sayt]. 27.09.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/09/27/pensionnaya-reforma-4/> (Data obrascheniya: 28.09.2018). (In Russ.).
- Petukhov V. V. Dinamika sotsial'nykh nastroeniy rossiyan i formirovanie zaprosa na peremeny. [Dynamics of social moods of Russians and formation of request for changes]. *Sotsiologicheskoe issledovaniya*. 2018. № 11. P. 40–53. (In Russ.).
- Petukhov V. V., Petukhov R. V., Barash R. E., Sedova N. N. Grazhdanskiy aktivizm v Rossii: motivatsiya, tsennosti i formy uchastiya. [Civic activism in Russia: motivation, values and forms of participation]. *Vlast'*. 2014. № 9. P. 11–19. (In Russ.).
- Politika apolitichnykh: Grazhdanskoe dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov*. [Politics of the apolitical: Civil movement in Russia 2011–2013]. Ed. by S. V. Erpyleva, A. V. Magun. M.: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2014. 480 p. (In Russ.).
- Protestnye nastroeniya*. [Protest moods]. [Elektronnyy resurs]. Levada-tsentr: [vzb-sayt]. 01.08.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/01/protestnye-nastroeniya/> (Data obrascheniya: 28.09.2018). (In Russ.).
- Referendum o povyshenii pensionnogo vozrasta*. [Referendum on raising the retirement age]. [Elektronnyy resurs]. Levada-tsentr: [vzb-sayt]. 03.09.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/09/03/referendum-protiv-povysheniya-pensionnogo-vozrasta/> (Data obrascheniya: 28.09.2018). (In Russ.).
- Skalaban I. A. Sotsial'noe, obschestvennoe i grazhdanskoe uchastie: k probleme osmysleniya ponyatiy. [Social and civic participation: to the problem of conceptualization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2011. № 1 (13). P. 130–139. (In Russ.).
- Volkov D., Kolesnikov A. *Samoorganizatsiya grazhdanskogo obschestva v Moskve. Motivy, vozmozhnosti i predely politizatsii*. [Self-organization of civil society in Moscow. Motives, opportunities and limits of politicization]. M.: Moskovskiy Tsentr Karnegi publ., 2016. 40 p. (In Russ.).

Date received by 10.10.2018.